

1963 W5, 1 февр.

Литературная
РОССИЯ

МАЯКОВСКОГО

ставит народный театр

ВЕЛОСИПЕДКИН — С. Малинкин.

ДАЛЕКО от центра Иванова, в клубе текстильной фабрики имени Балашова, работает народный молодежный театр. Здесь влюбленно и бережно говорят о Маяковском. Говорят, как о близком человеке, единомышленнике, живущем сегодня, сейчас. И не только говорят. Так чувствуют. Может быть, именно поэтому коллектив театра преодолел все колоссальные трудности, вставшие на его пути при постановке сложнейшей пьесы Маяковского «Баня».

В спектакле ивановцев произошло любопытное смешение некоторых акцентов: в большинстве постановок «Бани» главными действующими лицами являются Победоносиков и Оптимистенко. И это естественно — против них направлены острые сатиры Маяковского. Чудаков же, Двойкин, Тройкин, Фоскин и даже Велосипедкин играют вспомогательную роль.

Сатира Маяковского не перестала быть сатирой и на сцене Ивановаского молодежного театра. Но она приобрела особые краски (может быть, именно об этом мечтал Маяковский): Победоносикова и Оптимистенко оказался противоположным целым отрядом молодых, задорных, увлеченных энтузиастов. Их борьба от сцены к сцене становится все более активной, в нее вовлекается зритель непосредственно, сейчас. Спектакль решен таким образом, что никого не удивит, если кто-то из зрителей действительно вмешается в действие.

Как же это происходит? Мне кажется, что секрет во многом объясняется характером народного театра, его лицом, его атмосферой, его условиями. Здесь мы сталкиваемся с тем случаем, когда творческое оказывается беспредельно связанным с организационным, когда судьбы людей нельзя оторвать от их работы над сценическими образами. Решение спектакля — результат единых жизненных принципов, единой жизненной позиции коллектива единомышленников. Это ощущаешь и в особой приподнятости, задирности и боевистости, с которыми бросаются в зал лозунги Маяковского — своеобразная заставка спектакля; и в увлеченности, с которой на глазах у зрителя исполнители переставляют декорации; и во многих других деталях, больших и малых, — из них складывается свое собственное принципиальное новое решение пьесы Маяковского. Об этом стоит поговорить подробнее.

Открывается занавес, на котором изображены уходящие вверх ступени, увенчанные тяжелым креслом — трон с красной звездой на спинке. И сразу же — неожиданность. Вместо привычной проходной сцены Чудакова с Велосипедкиным — кипучая, бурная жизнь изобретателей — людей, умеющих видеть скрытое от других, верить в необычное, невероятное и осуществлять самые фантастические мечты. Театр находит очень точно атмосферу этой сцены.

Инженер Ю. Разин (Чудаков) приносит в спектакль не только одержимость своего героя, но и какую-то очень прочную убежденность в реальности машины времени. Для него мир сложных чертежей прост и понятен. Сегодня изобретаются кибернетические машины, ракеты, позволяющие осуществить полет на Луну, а завтра так же реально может возникнуть машина времени. Утопия Маяковского подкрепляется удивительно прочными приметами нашей действительности, символы приобретают неожиданно реальные контуры, а фигура Чудакова теряет некоторую абстрактность.

А рядом с Чудаковым тоже не совсем обычные Двойкин, Тройкин, Фоскин (В. Дубынин — учащийся школы № 58, В. Чагин — учебный мастер радиолaborатории педагогического института, В. Горелов — рабочий, заочник индустриального техникума). На долю этих героев обычно выпадают две-три чисто служебные фразы, и даже опытному актеру трудно бывает преодолеть бездейственность и пассивность, заложенную в драматическом материале положительных персонажей. В спектакле ивановцев — это не вспомогательные фигуры. Они — представители народа, преобразующие страну. Они одновременно и рабочие, и инженеры, и чертежники — хозяева нового изобретения. Точно угаданная роль этих людей нашла выражение в том, что они заняты на протяжении всего спектакля, а не только в тех нескольких

эпизодах, которые отведены им автором. Они заняты очень ответственным делом — им поручен свет в спектакле.

Режиссер Р. Гринберг и художник Т. Сельвинская идут на очень смелый эксперимент: в действие включаются два балкона с прожекторами и лестницы, ведущие с этих балконов к сцене. Это часть декораций, это часть машины времени. Здесь осуществляется реализация смелого замысла Чудакова. И происходит очень интересная вещь: актеры (они же и осветители), испытывая чувство колоссальной ответственности за свою работу, а следовательно и за судьбу спектакля, невольно переносят все это и на свое отношение к изобретению Чудакова. Происходит как бы слияние личных ощущений членов коллектива народного театра с ощущениями героев пьесы. А если к этому прибавить то, что каждый из них действительно занят делом и им действительно очень некогда, то ограниченность текста становится оправданной, а каждое слово весомым. Безудержная напористость Велосипедкина (С. Малинкин, студент текстильного института), увлеченно, радостно, даже, можно сказать, упоенно бросающегося в драку за мечту, за машину времени, так, чтобы только летели «выплываемые пуговицы» бюрократов, де-

ская женщина (инженер М. Беккер) — ведь они уже будущее.

В самых неожиданных для Победоносикова случаях (эту роль играет работник клуба Е. Вихрев) зреет бунт против его власти, против тупого чиновного прессы, душащего всякую живую мысль, всякое живое чувство. Радостный, оптимистичный характер спектакля отнюдь не снижает сложности борьбы с победоносиковщиной.

Театр понимает, что ничто не может нейтрализовать зло, причиненное людям мертвой догмой. Поэтому почти трагичны сцены Победоносикова с Полей. Это «не смешно» — загубленная человеческая жизнь.

Читатели могут спросить, а где же сатира? Ведь все сказанное выше как бы превращает пьесу Маяковского, требующую сатирической заостренности и выдвигающую на первый план Главнаппуса и его приспешников в произведение другого жанра. Нет, этого не происходит. Спектакль ивановцев — злая и острая сатира, направленная в победоносиковых и оптимистенко наших дней, изо всех сил цепляющихся за малейшую возможность удержаться на поверхности. И оттого, что они мешают жить и творить людям талантливым, смелым и ярким (а в этом спектакль убеждает), ненависть к ним беспощадна. И поэтому театр не боится самой злой гиперболы, самого злого преувеличения.

Огромная дверь перед приемной Победоносикова, на фоне которой человек кажется ничтожно маленьким. Лавина столов, крытых зеленым сукном, надвигающаяся, сметающая человека (столы расположены на станке, уходящем вверх). Невообразимый по размерам том «Моей биографии», сопровождающий Победоносикова. Все это прекрасно уживается с романтикой спектакля, подчеркивая контраст двух миров.

Коллектив не хочет ограничиваться самим фактом изображения Победоносикова. Его интересуют корни явления, его интересует, почему становится возможным появление победоносиковых. И тогда оказывается, что Победоносиков может возникнуть и существовать потому, что есть оптимистенки, моментальники, иваны ивановичи и прочие, готовые служить и прислуживать.

Очень точна в этом плане сцена с Оптимистенко, когда все охвачено одним желанием пристроиться на машину времени и проникнуть в благополучное завтра раньше соседей и ближних. Оптимистенко (тренер по фехтованию спортивного общества «Спартак» С. Полунов) не узнает прежних кумиров. Он перестроился. И вот свершается невозможное — на глазах у онемевших просителей и самого Победоносикова он снимает портрет Победоносикова, висящий, как икона, в углу над его столом, и вешает на его место портрет Фосфорической женщины. Какую-то долю секунды он колеблется — не прогадать бы. И вот в этой секунде колебания — его философия. В нем, как и во всех остальных представителях этого лагеря, живет трусость.

Оптимистенко с моторной невозмутимостью жует на протяжении всего спектакля суши, а готовясь к путешествию в будущее — появляется перевязанным связкой сухих, как патронташем. Эти детали нужны не только для смеха в зрительном зале (хотя сатирической комедии смех очень нужен). За этими деталями, так же как за обезьяньей бесхребетностью Ивана Ивановича, стоит отношение театра к таким людям. Это типы вырождающиеся. В будущем им места нет.

В программе спектакля значится: «Баня. Драма в 6 действиях, с цирком и фейерверком, направленная против бюрократизма, против узости, против покоя».

Это соответствует действительности.

ИВАНОВО

И. СИДОРИНА

Ставь прожектора,
чтоб рампа не померкла.
Крути,
чтоб действие
мчалось, а не текло.
Театр
не отображающее зеркало,
а —
увеличивающее стекло.

Владимир МАЯКОВСКИЙ
(Из лозунгов для спектакля «Баня»).

дает совершенно естественными веселые театрализованные перестановки декораций на глазах у публики. Это просто еще одна часть общего дела, создающая кипучую рабочую атмосферу на сцене. Она определяет ритм спектакля, его внутренний нерв.

И вот тут-то и происходит что-то неувидимое в отношении зрителя к героям пьесы и к коллективу народного театра. Слияние актеров с образами, созданными Маяковским, пополняет лагерь положительных героев пьесы самими актерами Ивановаского молодежного театра. Их энтузиазм, их страстность, горячность, непримиримость — все это становится дополнением к энтузиазму, страстности и горячности Чудакова, Велосипедкина, Фоскина, Двойкина и Тройкина, укрепляя веру в их победу. Рождается вывод: суть таких человеческих характеров в том, чтобы сметать со своего пути обломки прошлого. И, может быть, поэтому не вызывает никаких сомнений активное стремление к этому лагерю и Поли (бухгалтер С. Трохина), и маленькой машинистки «Ундертон» (студентка Э. Багдасарян), и незаметного бухгалтера Ночкина (аппаратчик А. Скворцов); может быть, именно поэтому почти ничем не отличается от молодых энтузиастов Фосфориче-

ОПТИМИСТЕНКО — С. Полунов.

Фото Н. Невского